

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Развѣдывательное отдѣленіе французскаго генеральнаго штаба по процессу Дрейфуса ¹⁾.

Немедленно послѣ войны 1870 года французскому генеральному штабу дѣлали большіе упреки за отсутствіе организаціи шпіонства въ эту злосчастную кампанію.

Сильно преувеличивая, этому даже приписывали всѣ несчастія Франціи. Весьма поэтому понятно, что, преслѣдуя идею реванша, французы приложили много стараній для организаціи своей службы тайнаго развѣдыванія.

Къ крайнему сожалѣнію, наши союзники остались вѣрными своей національной чертѣ: они не выдержали характера. Изъ-за какой-то призрачной идеи справедливости, къ тому же не національной, а еврейской, они подняли пересмотръ процесса Дрейфуса и вывернули наружу, на руку нѣмцамъ, всю организацію своей развѣдывательной службы. Все зданіе, воздвигнутое многими выдающимися дѣятелями Франціи, было опрокинуто...

До 1899 г. вся служба тайнаго развѣдыванія французовъ

¹⁾ Conseil de guerre de Rennes. Le procès Dreyfus. Compte rendu sténographique «in extenso». Trois tomes. Paris. P. V. Stock, editeur.

сосредоточивалась въ генеральномъ штабѣ въ статистическомъ или развѣдывательномъ отдѣленіи его. Отдѣленіе это работало совмѣстно съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, которое доставляло всѣ интересныя въ военномъ отношеніи свѣдѣнія, добываемыя дипломатическимъ и консульскимъ корпусомъ.

Дѣятельность французской развѣдывательной службы распалась на двѣ крайне опредѣленныхъ вѣтви: на изученіе иностранныхъ армій и на отысканіе шпионовъ. Последнее имѣло высокою цѣлью охранить армию отъ преступныхъ лицъ, которыми она была постоянно окружена. Послѣ Франко-нѣмецкой кампаніи нѣкоторыя иностранныя государства стремились всевозможными средствами проникнуть во французскіе военные секреты, давая своимъ агентамъ порученія общаго характера, дабы этимъ способомъ открыть дѣйствительное состояніе французскихъ военно-морскихъ силъ и планъ государственной обороны. Прикрытые международнымъ правомъ, иностранные военные агенты прибѣгали къ такимъ способамъ атаки, что французы принуждены были отбиваться тѣми же средствами.

Развѣдывательное отдѣленіе частью само являлось исполнительнымъ органомъ, частью распредѣляло работу по второстепеннымъ развѣдывательнымъ отдѣленіямъ, находившимся въ пограничныхъ французскихъ городахъ и крѣпостяхъ, какъ, на примѣръ, Бельфоръ, Нанси, Эпиналь, Вердюнъ и Седанъ, а также въ Бельгіи и Швейцаріи, въ центрахъ международнаго шпионства. Базель служилъ мѣстомъ для свиданія со шпионами. Развѣдывательная служба на германскомъ фронтѣ была хорошо организована, чего нельзя было сказать про Тунисъ и Альпійскую границу: тутъ требовалось приложить еще очень много труда.

Сильный толчокъ развитію развѣдывательной службы французамъ далъ въ 1880 году начальникъ отдѣленія полковникъ Гриво, а затѣмъ, главнымъ образомъ, преемникъ его полковникъ Сандгеръ.

Сандгеръ пользовался въ арміи безукоризненною репутаціею честнаго, способнаго, умнаго и работоспособнаго офицера. Блестящіе результаты, достигнутые имъ, конечно, были обязаны и прекрасному составу офицеровъ и чиновниковъ—его сотрудниковъ.

Полковникъ Сандгеръ былъ глубоко убѣжденъ, что все въ мірѣ держится на отношеніяхъ. Служба у него въ отдѣленіи шла, такъ сказать, по семейному. Всѣ вѣрили другъ другу и поддерживали по требованію своего, въ высшей степени любимаго и уважаемаго, начальника, самыя лучшія отношенія не только между собою, но и со всѣми служившими въ генеральномъ штабѣ. Прекрасны

были отношенія и съ чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ Деларошъ-Вернэ, служившимъ связывающимъ звеномъ для сношенія дипломатическаго вѣдомства съ военнымъ министерствомъ, которое носило вполнѣ дружескій характеръ. Полковникъ Сандгеръ находился всегда въ курсѣ всего, что представлялось для него интереснымъ въ кабинетѣ министра иностранныхъ дѣлъ и что было лишь возможно при тѣхъ хорошихъ неофициальныхъ отношеніяхъ, которыя онъ поддерживалъ съ чиновниками дипломатической канцеляріи.

Каждый офицеръ развѣдывательнаго отдѣленія зналъ чѣмъ занимается сосѣдъ. Въ этомъ была двойная выгода—гарантія добросовѣстности исполненія дѣла офицерами и личной безопасности.

Офицеры, служившіе въ развѣдывательномъ отдѣленіи, были все люди дѣятельные, работавшіе и боровшіеся съ противникомъ и днемъ и ночью. Они всегда были заняты волнующими ихъ вопросами и находились подъ постояннымъ страхомъ могущаго быть обвиненія въ разоблаченіи какихъ-либо тайнъ. Послѣднее и было причиною расположенія развѣдывательнаго отдѣленія въ отдѣльномъ помѣщеніи, совершенно изолированномъ отъ отдѣленій: мобилизаціоннаго и по сосредоточенію войскъ. Во время занятій со всѣми остальными офицерами генеральнаго штаба разрѣшались лишь чисто официальные отношенія. Было строго установлено, чтобы, въ случаѣ необходимости въ какой-нибудь справкѣ въ остальныхъ отдѣленіяхъ генеральнаго штаба, послѣднія выдавались лишь по письменному разрѣшенію помощника начальника штаба. Въ виду такихъ порядковъ хожденіе кого-либо изъ офицеровъ по другимъ отдѣленіямъ для болтовни или собиранія какихъ-либо свѣдѣній было бы въ высшей степени подозрительнымъ и бросилось бы въ глаза, такъ какъ никто не могъ бы объяснить себѣ такого неумѣстнаго любопытства.

Всѣ бумаги, поступавшія изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, находившихся въ Парижѣ, во Франціи и за границею, изучались, переписывались, переводились и докладывались начальникомъ отдѣленія старшему начальству. Многія свѣдѣнія приходили очень часто въ изодранномъ и грязномъ видѣ и требовали для своего возстановленія не мало труда. Извѣстное бордеро было доставлено изъ сорной корзины германскаго военнаго агента, полковника Шварцкоппена, изодранное на мелкіе клочки и было склеено и сфотографировано. Полковникъ Сандгеръ не признавалъ удобнымъ показывать разные нечистоплотные документы, часто извлеченные изъ самыхъ грязныхъ мѣстъ, высшему начальству,

полагая, что онъ отвѣчалъ своею репутаціею и правами за подлинность своихъ докладовъ. Лишь въ исключительныхъ сомнительныхъ и важныхъ случаяхъ предъявлялъ онъ подлинники.

Бумаги классифицировались. Въ этомъ ворохѣ были простыя банальныя письма, семейная хроника, газетныя статьи, дипломатическая и военная переписка. Этотъ цѣнный источникъ развѣдыванія позволялъ французамъ быть въ курсѣ намѣреній того или другого правительства и давалъ возможность знать сужденія иностранцевъ о французской арміи и ея дѣятельности. Все, чего нельзя было ни къ чему спеціально отнести, шивалось въ одно особое дѣло и затѣмъ, по мѣрѣ выясненія, классифицировалось. Поступали часто, какъ уже было выше упомянуто, и неполныя бумаги, а обрывки съ нѣсколькими подозрительными, непонятными словами. Только впоследствии, свѣряя и дополняя намеки другими источниками, доходили до истины.

Въ развѣдывательномъ отдѣленіи читались газеты и дѣлались вырѣзки, что было распределено поровну между всѣми офицерами.

Каждый офицеръ имѣлъ свое опредѣленное дѣло. Сношенія съ почтовымъ вѣдомствомъ было поручено архивисту Грибелену.

Всякое устное дѣловое свиданіе съ кѣмъ-либо немедленно записывалось, такъ какъ многія мелочи могли впоследствии забыться или переиначиться. Въ случаѣ возможности, каждое свиданіе кого-либо изъ офицеровъ съ подозрительными лицами фотографировалось, такъ какъ это несомнѣнно лучшее средство для доказательства, что свиданіе имѣло дѣйствительно мѣсто, а не было плодомъ вымысла.

Офицеры развѣдывательнаго отдѣленія посылались и въ заграничныя командировки, причѣмъ, конечно, переодѣвались въ штатское платье и путешествовали подъ вымышленными фамиліями.

Зная отлично, что подозрѣніе въ шпіонствѣ или измѣнѣ, брошенное на кого-либо, смывается съ трудомъ, полковникъ Сандгеръ былъ крайне остороженъ въ обвиненіяхъ и самымъ тщательнымъ образомъ производилъ разслѣдованіе всякаго подозрѣнія. Поэтому онъ слѣдилъ за частною жизнью своихъ подчиненныхъ, особенно настаивая на осторожности въ выборѣ знакомыхъ и отношеній. Предметомъ его исключительной заботы были молодые, холостые офицеры, свободные въ своихъ поступкахъ и могшіе попасть въ подозрительные круги общества, которыми такъ изобилуетъ Парижъ.

Служба начиналась въ 9 часовъ утра, къ какому времени прибывалъ и полковникъ Сандгеръ. Онъ вскрывалъ почту, отдавалъ первыя приказанія и въ 11½ часовъ утра шелъ домой завтракать.

Въ это же самое время отправлялись домой завтракать и всѣ остальные четыре офицера и архивисты; въ отдѣленіи оставался только помощникъ начальника отдѣленія подполковникъ Кордые, приходившій на службу лишь къ этому времени. Затѣмъ къ двумъ часамъ всѣ возвращались. Подполковникъ Кордые докладывалъ Сандгеру обо всемъ случившемся во время его отсутствія и работа продолжалась до 6—7 часовъ вечера, въ зависимости отъ имѣвшагося дѣла. Въ 1895 г., впрочемъ, послѣдовало небольшое измѣненіе въ порядкѣ работы. Полковникъ Сандгеръ какъ-то пошелъ передъ завтракомъ съ докладомъ къ начальнику генеральнаго штаба, но потребовалась справка, и полковникъ вернулся въ отдѣленіе, гдѣ никого не засталъ, такъ какъ офицеры, не дождавшись прибытія опоздаваемаго Кордые, разошлись въ 11^{1/2} часовъ. Начальникъ отдѣленія потребовалъ, чтобы кто-либо изъ служащихъ всегда былъ налицо. Тогда офицеры обратились къ Кордые съ просьбою не опаздывать, но послѣдній не впялъ мольбамъ и по заявленію офицеровъ былъ установленъ новый порядокъ. Черезъ четыре дня на пятый одинъ изъ офицеровъ прибывалъ на службу въ 11^{1/2} часовъ утра, замѣщалъ до 2 час. отсутствующихъ товарищей и имѣлъ такимъ образомъ одно свободное утро.

Въ послѣдній лишь періодъ начальствованія полковника Сандгера составилъ исключеніе нѣкто подполковникъ Энри, избранный не начальникомъ отдѣленія, а навязанный протекціею бывшаго начальника генеральнаго штаба генерала Мирибеля, желавшаго пристроить своего ординарца, котораго онъ цѣнилъ и уважалъ. Генераль Мирибель настолько высоко ставилъ Энри, что предназначалъ его въ случаѣ войны на должность коменданта квартиры главнокомандующаго арміями, что далеко не соотвѣтствовало относительно небольшому чину его любимца.

Полное согласіе между служившими въ отдѣленіи царствовало до вступленія Энри. Будучи очень близкимъ къ генералу Мирибелю, онъ имѣлъ возможность запросто постоянно бесѣдовать со старшимъ начальникомъ, а потому нѣкоторые его опасались, а другіе заискивали, причеиъ думали, что подполковникъ передаетъ многое Мирибелю, чего, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ и не было. У полковника Сандгера тоже бывали, но, конечно, во внѣ служебномъ разговорѣ, пикировки съ Энри.

Къ концу службы полковника Сандгера произошло нѣкоторое сближеніе между подполковникомъ Энри, капитаномъ Лаутомъ и архивистомъ Грибеленомъ. Въ статистическомъ отдѣленіи какъ бы явился расколъ, который еще больше обострился тѣмъ обстоятель-

ствомъ, что, плохо зная французскій языкъ, подполковникъ Энри былъ причиною ареста бывшаго инженернаго подрядчика, предсѣдателя коммерческаго суда въ одномъ изъ пограничныхъ городовъ. Ошибка была немедленно обнаружена, но дѣло это чуть не навлекло сильныхъ непріятностей на полковника Сандгера, который, конечно, сталъ очень холодно относиться къ виновнику ареста. Затѣмъ у Грибелена произошло также охлажденіе въ отношеніяхъ къ архивисту Руфу.

Послѣдній былъ также настоящимъ и преданнымъ другомъ Сандгера и отличался своими большими способностями. Ему всѣ отдавали полную справедливость въ умѣнннн отлично писать бумаги и, если кому-либо, включая полковника Сандгера, надо было написать что-нибудь серьезное, то обращались къ Руфу. По отношенію къ нему слѣдовательно не было секретовъ.

Когда въ должность начальника отдѣленія вступилъ полковникъ Пикарь, то въ отдѣленіи уже образовалась партія въ составѣ подполковника Энри, Грибелена и капитана Лаута. Подполковникъ Энри втайнѣ питалъ надежду замѣнить полковника Сандгера и поэтому назначеніе на должность старшаго, чѣмъ онъ, въ чинѣ, но гораздо моложе его годами Пикара, не могло не оскорбить перваго. Между ними началась глухая борьба.

Замѣщеніе Сандгера Пикаромъ послѣдовало въ 1895 г., когда первому подошло время командовать полкомъ. Начальникъ 3-го отдѣла полковникъ Бушэ просилъ Буадефра о назначеніи Пикара. Начальникъ генеральнаго штаба очень мало зналъ новаго кандидата, встрѣтившись съ нимъ только во время большихъ маневровъ. Пикарь произвелъ тогда на своего начальника невыгодное впечатлѣніе излишнею развязностью и слишкомъ самодовольнымъ видомъ. Не придавая, однако, большого значенія мимолетному и, быть можетъ, несправедливому впечатлѣнію и придерживаясь, кромѣ того, въ своемъ штабѣ правила предоставлять ближайшимъ своимъ подчиненнымъ, какъ было сказано выше, право выбора себѣ сотрудниковъ, генераль Буадефръ поборолъ свою личную антипатію и согласился на назначеніе Пикара. Къ тому же за послѣдняго много говорила блестящая аттестація, данная генераломъ Милле, а также прекрасное знаніе имъ, какъ эльзасцемъ, нѣмецкаго языка. И дѣйствительно, на первыхъ же порахъ полковникъ Пикарь выказалъ настолько блестящія способности и такое прилежаніе, что у начальника генеральнаго штаба очень скоро изгладилось первое неблагоприятное впечатлѣніе о новомъ начальникѣ отдѣленія.

По мнѣнію генерала Буадефра, Пикарь съ большою радостью

принялъ предложенное ему мѣсто, такъ какъ это было несомнѣннымъ признакомъ довѣрія начальства. По словамъ же Пикара, онъ принялъ это назначеніе безъ особаго удовольствія и предпочиталъ свои предыдущія занятія въ военной академіи.

За болѣзнью полковника Сандгера отдѣленіемъ временно завѣдывалъ подполковникъ Кордье, который и сдалъ отдѣленіе полковнику Пикару 1-го іюля, продолжая до 15-го іюля ходить въ отдѣленіе для направленія на первыхъ порахъ своими совѣтами новаго начальника отдѣленія. Приходилъ и поправлявшійся полковникъ Сандгеръ, передалъ секретные фонды и преподалъ Пикару нѣсколько совѣтовъ. Полковникъ Сандгеръ и Кордье особенно предупреджали Пикара остерегаться сношеній съ нѣкоторыми подозрительными агентами, много обѣщавшими съ цѣлью выманить деньги, но на самомъ дѣлѣ ничего не дававшими.

Во время перваго процесса Дрейфуса полковникъ Пикаръ былъ назначенъ военнымъ министромъ для присутствованія на судѣ и ни разу не высказывалъ какихъ-либо сомнѣній относительно виновности Дрейфуса. Затѣмъ, въ бытность свою начальникомъ отдѣленія, онъ видимо поддался какому-то вліянію и перемѣнилъ мнѣніе. Изучая дѣло Дрейфуса, ему показалось, что почеркъ нѣкоего полковника Эстергази страшно походилъ на бордеро; о своемъ открытіи онъ доложилъ начальству, которое приказало Пикару быть крайне осторожнымъ, но продолжать розыски.

По странному стеченію обстоятельствъ подозрѣніе Пикара совпало со временемъ агитаціи антидрейфусаровъ для пересмотра процесса. Въ одной изъ парижскихъ газетъ появилась даже статья, въ которой сообщались подробности, извѣстныя лишь полковнику Пикару. Поэтому начальникъ французскаго генеральнаго штаба не призналъ болѣе возможнымъ чтобы полковникъ Пикаръ въ интересахъ пользы службы оставался начальникомъ развѣдывательнаго отдѣленія. Однако, военный министръ предпочелъ полумѣру, а именно, послать полковника Пикара въ цѣлый рядъ командировокъ для организациі службы тайнаго развѣдыванія на восточной границѣ и въ Африкѣ. Наконецъ, послѣ годичнаго отсутствія изъ Парижа, Пикара перевели въ стрѣлки въ Тунисъ.

Противники Дрейфуса доказываютъ, что Пикаръ былъ подкупленъ еврейскимъ синдикатомъ для поднятія вопроса о пересмотрѣ процесса, такъ какъ трудно допустить, чтобы преданный Франціи и арміи офицеръ, начальникъ развѣдывательнаго отдѣленія, понимавшій всю важность сохраненія въ тайнѣ организациі французской тайной развѣдывательной службы, не отдалъ

себѣ представленія о томъ злѣ, которое могъ принести пересмотръ пресловутаго дѣла. Кажется, что въ данномъ случаѣ, если бы даже и дѣйствительно была судебная ошибка, то надо было скорѣе примириться съ меньшимъ зломъ, т. е. несчастьемъ Дрейфуса, чѣмъ съ разрушеніемъ и разглашеніемъ развѣдывательной службы Франціи.

Служба тайнаго развѣдыванія, конечно, обходится, не дешево а обращеніе съ деньгами на секретные расходы дѣло крайне щекотливое, такъ какъ многіе расходы часто приходится принимать на вѣру, безъ возможности повѣрки и контроля. Одинъ изъ офицеровъ или чиновниковъ развѣдывательнаго отдѣленія, назначаемый кассиромъ, вель отчетность по денежной части, состоявшей, главнымъ образомъ, изъ денежнаго журнала по секретнымъ расходамъ, въ который вносились всѣ выдачи съ указаніемъ кому именно и сколько уплачивается. Въ теченіе семи лѣтъ кассиромъ состоялъ архивистъ Грибеленъ. Для нуждъ развѣдывательнаго отдѣленія отпускалось по 32 тысячи франковъ въ мѣсяць. Когда полковникъ Сандгеръ сдалъ отдѣленіе полковнику Пикару, то налицо было 115 тысячъ франковъ экономіи. Когда генераль Бильо вступилъ въ должность военнаго министра, онъ счелъ нужнымъ иначе распредѣлить бюджетъ военнаго министерства и на надобности развѣдывательнаго отдѣленія сталъ отпускать на 8 тысячъ франковъ въ мѣсяць меньше. Однако, въ это время предвидѣлась цѣлая серия весьма серьезныхъ расходовъ по развѣдывательному отдѣленію, и полковникъ Пикаръ представилъ докладную записку, въ которой испрашивалъ дополнительный кредитъ въ 100 тысячъ франковъ, которые и были ассигнованы. Когда, однако, эти 100 тысячъ франковъ поступили въ кассу военнаго министерства, генераль Бильо приказалъ выдать въ отдѣленіе лишь 20 тысячъ франковъ, а остальные задержалъ, приказавъ выдавать лишь по особому распоряженію.

Полковникъ Пикаръ за 16 мѣсяцевъ своего управленія отдѣленіемъ истратилъ всю собранную полковникомъ Сандгеромъ экономію и, кромѣ того, еще сверхъ ординарныхъ отпусковъ 163 тысячи франковъ. Изъ послѣдней суммы около 100 т. франковъ было израсходовано на покупку документовъ, а 60 тысячъ на нужды контршпіонства. Расходъ этихъ 60 тысячъ франковъ на полицейскія мѣры, для которыхъ были свои ординарные отпуски, заставилъ многихъ говорить, что Пикаръ произвелъ растрату.

Є. Чернозубовъ.

